

Аист и соловей

Было время, когда птицы не умели петь. И вдруг они узнали, что в одной далекой стране живет старый, мудрый человек, который учит музыке. Тогда птицы послали к нему аиста и соловья. Аист очень торопился. Ему не терпелось стать первым в мире музыкантом.

Он так спешил, что вбежал к мудрецу и даже в дверь не постучался, не поздоровался со стариком, а изо всех сил крикнул ему прямо в ухо:

— Эй, старикан! Ну-ка, научи меня музыке!

Но мудрец решил сначала поучить его вежливости. Он вывел аиста за порог, постучал в дверь и сказал:

— Надо делать вот так.

— Все ясно! — обрадовался аист. — Это и есть музыка? — и улетел, чтобы удивить мир своим искусством.

Соловей на маленьких крыльях прилетел позже. Он робко постучал в дверь, поздоровался, попросил прощения за беспокойство и сказал, что ему очень хочется учиться музыке.

Мудрецу понравилась приветливая птица. И он учил соловья всему, что знал сам. С тех пор скромный соловей стал лучшим в мире певцом.

А чудак аист умеет только стучать клювом. Да еще хвалится и учит других птиц:

— Эй, слышите? Надо делать вот так, вот так! Это и есть настоящая музыка! Если не верите, спросите старого мудреца.

Злое утро

Лес просыпается, шелестит, журчит, шумит:

— Доброе утро! Доброе утро! Доброе утро!

Просыпаются и волчата у себя в норе:

— Доброе утро, мамочка! Доброе утро, папочка!

Родители хмурятся. Они всю ночь рыскали по лесу, никого не загрызли и очень сердиты.

— Утро не всегда бывает добрым, — ворчит мама волчица, — потому-то порядочные волки по утрам спать ложатся.

— Щенки! — злится папа-волк. — Лучше бы вы меня укусили, чем говорить такие слова.

"Добррррое утрррро!" Разве так должны встречать друг друга порядочные волки?

— А как, папочка? Мы не знаем, — скулят волчата. Папа-волк подумал, подумал и рывкнул:

— А вот как! Злое утро, дети!

— Злое утро, папочка! Злое утро, мамочка! — радостно подхватывают волчата.

И так они весело визжат, крича эти страшные слова, что родители не выдерживают:

— Доброе утро, малыши! Доброе утро!

Как найти дорожку

Ребята пошли в гости к деду-леснику. Пошли и заблудились. Смотрят, над ними Белка прыгает. С дерева на дерево. С дерева на дерево. Ребята - к ней:

- Белка, Белка, расскажи,

Белка, Белка, покажи,

Как найти дорожку

К дедушке в сторожку?

- Очень просто, - отвечает Белка. - Прыгайте с этой ёлки вот на ту, с той - на кривую берёзку. С кривой берёзки виден большой-большой дуб. С верхушки дуба видна крыша. Это и есть сторожка.

Ну что же вы? Прыгайте!

- Спасибо, Белка! - говорят ребята. - Только мы не умеем по деревьям прыгать. Лучше мы ещё кого-нибудь спросим.

Скачет Заяц. Ребята и ему спели свою песенку:

- Заяц, Заяц, расскажи,

Заяц, Заяц, покажи,

Как найти дорожку

К дедушке в сторожку?

- В сторожку? - переспросил Заяц. - Нет ничего проще. Сначала будет пахнуть грибами. Так?

Потом - заячьей капустой. Так? Потом запахнет лисьей норой. Так?
Обскочите этот запах справа или слева. Так? Когда он останется позади, понюхайте вот так и услышите запах дыма. Скачите прямо на него, никуда не сворачивая. Это дедушка-лесник самовар ставит.

- Спасибо, Зайка, - говорят ребята. - Жалко, что носы у нас не такие чуткие, как у тебя. Придётся ещё кого-нибудь спросить.

Видят, ползёт Улитка.

- Эй, Улитка, расскажи,

Эй, Улитка, покажи,

Как найти дорожку

К дедушке в сторожку?

- Рассказывать до-о-олго, - вздохнула Улитка. - Лу-у-учше я вас туда провожу-у-у. Ползите за мной.

- Спасибо, Улитка! - говорят ребята. - Нам некогда ползать. Лучше мы ещё кого-нибудь спросим. На цветке сидит Пчела. Ребята к ней:

- Пчёлка, Пчёлка, расскажи,

Пчёлка, Пчёлка, покажи,

Как найти дорожку

К дедушке в сторожку?

- Ж-ж-ж, - говорит пчела. - Покажжжу... Смотрите, куда я лечу. Идите следом.

Увидите моих сестёр. Куда они, туда и вы. Мы дедушке на пасеку мёд носим. Ну, до свидания! Я уж-ж-жасно тороплюсь. Ж-ж-ж...

И улетела. Ребята не успели ей даже спасибо сказать. Они пошли туда, куда летели пчёлы, и быстро нашли сторожку. Вот была радость! А потом дедушка их чаем с мёдом угостил.

Мать-и-мачеха

Этот яркий желтый цветок на светлом мохнатом стебельке появляется весной вместе с подснежниками. Он так торопится, что не успеваает выпустить листья. Он даже не знает, какие они.

А цветет он там, где земля потревожена, изранена, обнажена. Цветет на откосах. Цветет на покрытых углем и шлаком насыпях. Цветет около ям и в самих ямах. Весело желтеет на горах выброшенной земли.

— Мать-и-мачеха расцвела! Мать-и-мачеха расцвела! — радуются люди.

— Кого они так называют? — удивляется цветок. — Наверное, землю, на которой я расту. Для меня-то она мать, а для других цветов пока еще мачеха.

Но вот проходит время цветов, и наступает пора больших зеленых листьев. С изнанки они мягкие, светлые, бархатистые: потрешь о щеку — и станет тепло.

— Это мать, — говорят люди.

Зато снаружи листья твердые, скользкие; приложишь к щеке - почувствуешь холод.

— А это мачеха, — объясняют люди. Но листьям мать-и-мачехи все равно, как их называют. У них слишком много забот. Как крепкие зеленые щиты, спешат они прикрыть, заслонить собой землю, и своей изнанкой, своей теплой, материнской стороной они прижимаются к земле и шепчут ей:

Солнечный зайчик

У Солнца много дружных сыновей — лучей. самого маленького зовут Зайчик, потому что он никогда не сидит на месте, всюду бегаёт, забирается даже туда, куда другие лучи попасть не могут. Очень любит Зайчик играть с ребятами: даёт себя поймать в зеркальце и с удовольствием скачет, куда его пошлют.

Как многие малыши, Зайчик не любил ложиться спать. Однажды вечером, когда Солнце уводило своих детей на покой, Зайчик спрятался и решил посмотреть, что будет дальше.

Стемнело, и Зайчик остался совсем один. Он старался светить изо всех сил, но от одного луча, да еще такого маленького, большая черная ночь не станет светлей. Этого не могут сделать даже звезды, хотя их очень много. Зайчику стало скучно одному, и он побежал туда, где светло. Это

был город. Там было столько огней, что Зайчика никто не заметил. Больше всего ему понравились три веселых огонька: зеленый, желтый и красный. Они играли в прятки — двое прячутся, один водит. Зайчик подлетел к ним.

Красный огонек сердито крикнул ему:

— Стоп!

Потом выглянул желтый и прошептал:

— Осторожно! А зеленый сказал:

— Путь свободен! Уходи, пожалуйста! Не видишь, что ли, мы работаем! Мы — светофор!

Тогда Зайчик начал искать детей, заглядывать в темные окна. Все дети крепко спали в своих кроватках и видели интересные сны. Никто из них не проснулся, чтобы поиграть с Зайчиком. Зайчик загрустил — ведь он никому не нужен в ночном городе. И побежал в лес. "Вот где, — думает, — поиграю со зверями и птицами".

Кончились дома, и вместо улицы осталась только дорога. Здесь было очень весело. Огоньки машин мигали друг другу, бегали наперегонки, играли в пятнашки.

— Я вожу! — кричал Зайчик, бросаясь то к одному, то к другому огоньку.

Машины сначала шарахались от него, думая, что на них мчится другой автомобиль, а потом рассердились и загудели:

— Уходи с дороги! Ты не знаешь наших правил!

— Ну и ладно! — сказал Зайчик и свернул в лес. Первое, что увидел Зайчик в тихом темном лесу, был зеленый огонек в траве. Красного и желтого рядом не было.

— Вот и хорошо! — обрадовался Зайчик. — Значит, не Светофор. Можно поиграть.

Но огонек словно сквозь землю провалился. Искал, искал его Зайчик и ничего не нашел в траве, кроме какого-то скучного червяка. А это и был Светлячок.

И тут к Зайчику со всех сторон слетелась мошкара.

— Вот уж попляшем, покружимся! — зажужжала мошкара и пошла отплясывать.

Мошек и комаров становилось все больше и больше. Они глупо толклись, подсакивали и быстро надоели Зайчику.

А где же звери? Вот пробежал кто-то, сверкнули глаза. Зайчик не знал, что это волк, и погнался за ним. Голодный зверь убежал без оглядки, забился в кучу валежника и всю ночь подвывал и лязгал зубами от страха и злости. Он и не думал, что первый раз в жизни испугался зайца. Хотя и солнечного, но все-таки зайца.

Не найдя зверей, Зайчик полетел по гнездам. Какой-то грач проснулся и заорал спросонья:

— Бррратцы! Каррраул! Прррроспали! Поррра на ррработу!

Другие грачи заворочались, подняли головы, увидел, что кругом темно, и проворчали:

— Рррано! Рррано! Спи, дурррак! Только одна большая птица не спала — низко летала, что-то искала.

— Вы что-то потеряли? Разрешите, я вам посвечу, — предложил Зайчик.

— Прочь! — сказала птица. — Я из-за тебя ничего не вижу.

Зайчик удивился: что это за птица, если ей, чтобы лучше видеть, нужна темнота? Он осветил ее и увидел перед собой сову. Они оба испугались друг друга и разлетелись в разные стороны.

"Все добрые звери и птицы спят, в лесу делать нечего", — вздохнул Зайчик и полетел к морю.

По морю шли корабли. Светили прожекторы и крутые окна кают. Корабли были такие огромные, важные, что Зайчик не решился с ними играть, нырнул под воду.

На его свет приплыли рыбы. Играть с ними было неинтересно: набрали в рот воды и молчат.

Зайчик потрогал их и отскочил — такие они скользкие, холодные. Рыбы — за ним. Шевелят плавниками, тарачат глаза.

— А я от вас убегу, — сказал Зайчик и вынырнул. Не тут-то было! Вслед за ним выпрыгнула из воды Летучая рыба, чуть было не догнала его, но, к счастью, сорвалась и плюхнулась в море.

Зайчик носился над морем чуть не плача: "Жу-у-утко!" И вдруг он увидел вдалеке добрый-добрый манящий огонь. Это был Маяк.

Рядом с ним совсем не страшно. Маяк приветливо мигал проходящим кораблям. Зайчик решил ему помочь и тоже стал подмигивать. Но он потому и Зайчик, что не может усидеть на одном

месте. И малыш начал резвиться, бегать туда-сюда.

— Шел бы ты спать, сынок! — ласково сказал Маяк. — Ты мне немножко мешаешь. А вдруг из-за тебя какой-нибудь корабль собьется с пути!

— Куда же я пойду? — жалобно спросил Зайчик.

— В горы, — посоветовал добрый Маяк. — Туда раньше всего приходит Солнце с твоими братьями.

В горах светил костер. У костра сидели чабаны в папах и пели длинную песню. Рядом, сбившись в кучу, дремали овцы. Зайчик незаметно подкрался к костру, лег на расстеленную бурку и уснул.

Проснулся — нет ни бурки, ни чабанов, ни овец. Костер догорел. Бедный зайчик продрог, съезжился, побледнел. И тут показалось Солнце, хлынули братья-лучи. И Зайчик вместе с ними кубарем покатился в долину — играть, сверкать, веселить ребят.

Честное гусеничное

Гусеница считала себя очень красивой и не пропускала ни одной капли росы, чтобы в неё не посмотреться.

- До чего ж я хороша! - радовалась Гусеница, с удовольствием разглядывая свою плоскую рожицу и выгибая мохнатую спинку, чтобы увидеть на ней две золотые полоски. - Жаль, что никто-никто этого не замечает.

Но однажды ей повезло. По лугу ходила девочка и собирала цветы. Гусеница взобралась на самый красивый цветок и стала ждать. А девочка увидела её и сказала:

- Какая гадость! Даже смотреть на тебя противно!

- Ах так! - рассердилась Гусеница. - Тогда я даю честное гусеничное слово, что никто, никогда, нигде, ни за что и нипочём, ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах больше меня не увидит!

Дал слово - нужно его держать, даже если ты Гусеница. И Гусеница поползла на дерево. Со ствола на сук, с сука на ветку, с ветки на веточку, с веточки на сучок, с сучка на листок. Вынула из брюшка шёлковую ниточку и стала ею обматываться. Трудилась она долго и наконец сделала кокон.

- Уф как я устала! - вздохнула Гусеница. - Совершенно замоталась. В коконе было тепло и темно, делать больше было нечего, и Гусеница уснула. Проснулась она оттого, что у неё ужасно чесалась спина. Тогда Гусеница стала тереться о стенки кокона. Тёрлась, тёрлась, протёрла их насквозь и вывалилась. Но падала она как-то странно - не вниз, а вверх.

И тут Гусеница на том же самом лугу увидела ту же самую девочку. "Какой ужас! - подумала Гусеница. - Пусть я не красива, это не моя вина, но теперь все узнают, что я ещё и обманщица. Дала честное гусеничное, что никто меня не увидит, и не сдержала его. Позор!" И Гусеница упала в траву.

А девочка увидела её и сказала:

- Какая красивая!

- Вот и верь людям, - ворчала Гусеница. - Сегодня они говорят одно, а завтра- совсем другое.

На всякий случай она погляделась в каплю росы. Что такое? Перед ней - незнакомое лицо с длинными-предлинными усами. Гусеница попробовала выгнуть спинку и увидела, что на спинке у неё появились большие разноцветные крылья.

- Ах вот что! - догадалась она. - Со мной произошло чудо. Самое обыкновенное чудо: я стала Бабочкой! Это бывает.

И она весело закружилась над лугом, потому что честного бабочкиного слова, что её никто не увидит, она не давала.

Хвостина

Все ветки на дереве давно уже зазеленели. Тол одна оставалась черной и голой, будто никакой весы не было.

Сел на нее дятел, постучал клювом и сказал:

— Так-так! Абсолютно сухая ветка. Проснулась ветка от его стука и ахнула:

— Батюшки! Никак уже лето? Неужто я весну проспала?

— Засохла ты, — прошелестели ветки-соседки. — Хоть бы ветер тебя поскорее сломал или человек срубил, а то ты все дерево портишь.

— Ничего, — ответила ветка. — Скоро и я зазеленею.

— Слыханное ли дело, чтобы среди лета почки раскрылись? — заворчали ветки-соседки. — Весной на было зеленеть, весной!

— Если я собираюсь зеленеть, значит, я не совсем сухая, — ответила ветка.

— Хворостина ты! — рассердились соседки. — Палка, дубина, чурка, полено, коряга!

— Говорите что хотите, — сказала ветка. — А я все равно оживу.

Но ее твердые почки так и не раскрылись. Никого она не накормила, не спрятала в тени, не приютила в листе. Не цвела она и не пускала по ветру крылатые семена.

Осенью листья на ветках пожелтели и ну летать, кружиться. Ветки-соседки заснули. Теперь они сами стали черными, голыми. Сухая ветка ничем от них не отличалась. Даже дятел как ни в чем не бывало сел на нее и спросил:

— Чего не спишь? Давай спи, набирайся сил до весны! — И тут он узнал ее. — Какой же я рассеянный! Хворостине о весне говорю! Так не бывает, чтобы сухая ветка снова ожила.

Вспорхнул и улетел, а ветка выпрямилась и сказала:

— Поживем — увидим.

Пришла зима. Упали снежинки на ветку, укрыли каждый ее сучок, каждую почку, заполнили каждую развилку. Стало ветке тепло и тяжело, словно от листьев. Мороз. Иголочки инея выросли на ветке, окутали ее со всех сторон. Ветка так и засверкала в лучах морозного солнца.

"Что ж! — подумала она. — Оказывается, не так уж плохо быть сухою веткой".

Потом наступила оттепель. На ветке повисли капли. Они переливались, блестели, падали одна за другой, и ветка всякий раз приподнималась и вздрагивала. Словно живая. И снова снег. И снова мороз. Долгая была зима. Но вот поглядела ветка вверх: небо теплое, голубое. Поглядела вниз: под деревьями черные круги.

Растаял снег. Появились откуда ни возьмись прошлогодние листья и давай носиться по лесу.

Видно, решили, что опять их время пришло.

Ветер утих, и они угомонились. Но заметила ветка, что они и без ветра шуршат потихонечку. Это из-под них травинки вылезают.

Травинки вылезали поодиночке, а листва на дереве распустилась вся сразу. Проснулись ветки-соседки и удивились:

— Ишь ты! Хворостина-то за зиму не сломалась. Видать, крепкая.

Услышала это ветка и загрустила:

— Значит, я и вправду хворостина. Значит, ничего у меня не получится. Хоть бы срубил меня человек, бросил бы в костер...

И она представила себе, как загорится костер, как вспыхнут на ней языки огня, словно большие красные листья. От этого ей стало тепло и немножко больно.

Тут на нее сел дятел:

— Привет-привет! Как здоровье? Не беспокоят ли жучки-короеды?

— Дятел, дятел... — вздохнула ветка. — Опять ты все перепутал - сухую ветку за живую принял.

— Какая же ты сухая? — удивился дятел. — Ты просто разоспалась. Другие вовсю зеленеют, а у тебя только-только почки раскрылись. Кстати, куда девалась хворостина, которая тут торчала?

— Так это же была я! — обрадовалась ветка.

— Перестань говорить глупости! — сказал дятел. — То была абсолютно сухая ветка. Чего-чего, а живую ветку от сухой уж как-нибудь отличу. Я же все-таки головой работаю.

Речка Скнижка

Что за странное шествие движется по лугам и огородам, даже не глядя на стог сена, на грядки с капустой и репой, на корову с телятком?

Это огромные серебристые ивы, важные, невозмутимые, встали парами, взяли за руки, наклонились друг к другу, чтобы удобнее было шептаться, и, сворачивая то вправо, то влево, а то и назад, медленно, неохотно бредут туда, где течет большая светлая Ока.

Подойди к ним. Раздвинь палкой высокую крапиву. Только, пожалуйста, не задень при этом ежевики и смородины. И если ни крапива, ни даже вкусные ягоды тебя не задержат, то ты увидишь под тяжелым навесом ветвей маленькую речку Скнижку. Даже днем бежит она в полумраке, и ее вода кажется не прозрачной, а какой-то черно-зеленой.

Ивы дрожат над ней каждым листочком. Чтобы солнце ее не пекло, чтобы ветер ее не морщил (ей так вредно волноваться!), чтоб корова ее не выпила, а теленок не замутил, чтоб укрыть ее от дурного глаза. А так как неизвестно, чей дурной, а чей хороший, то на всякий случай ее прячут от любого глаза.

Так до самого устья (спасибо вам, добрые ивы!) не увидит Скнижка ни солнца, ни неба, ни облаков, ни домов, ни купальщика, ни рыбака, ни лодчонки, ни поплавка, ни лесов, ни полей, ни детей, ни сетей:

А заботливые ивы нарочно сворачивают то туда, то сюда, чтобы дорога была длиннее, чтобы не скоро добежала Скнижка до Оки, чтобы долго она не увидела широкого мира.

- Ах, ах, она еще совсем дитя, ей рано, рано... - шепчут ивы, все теснее сплетаясь над ней, все ниже склоняясь к черно-зеленой воде и глядя ее своими ветками.

А речка бежит и бежит. Ее не удержишь даже лаской.

